

Л. Л. Карпова (Ижевск)

Особенности служебных частей речи среднечепецких говоров (в контексте северноудмуртских диалектов)

0. В пределах северноудмуртского наречия исследователями выделяется 3 группы говоров (или 3 диалекта): верхнечепецкие, среднечепецкие, нижнечепецкие. По своим наиболее характерным особенностям эти говоры имеют много общих черт, что позволяет объединять их в одну северноудмуртскую группу. Наличие общих языковых явлений объясняется прежде всего этнической и исторической общностью их носителей, территориальной близостью, также существующими определенными культурно-экономическими связями. Тем не менее, в языковой системе вышеназванных причепецких диалектов встречаются различия, которые в определенной степени способствуют дальнейшему дроблению северного наречия на диалекты и говоры. Отличительные явления, обнаруживающиеся в фонетической и в морфологической системах рассматриваемых диалектов, нашли частичное отражение в наших двух последних публикациях (см.: [Карпова 2005: 106+108; 2005: 78-79]).

В данном сообщении мы остановимся на рассмотрении особенностей функционирования служебных частей речи в среднечепецких говорах, по возможности оперируя материалом и по другим северноудмуртским диалектам, в частности, по верхнечепецким и нижнечепецким говорам. Основной акцент при этом нами сделан на освещении своеобразий в области послелогов, союзов и частиц. Материалы по нижнечепецким говорам заимствованы нами из статьи Т. И. Тепляшиной [1970: 156-196], дипломной работы студентки УдГУ Т. М. Золотаревой [2000], по верхнечепецким говорам – из работы Б. И. Каракулова [1982: 106-115], использованы также материалы курсовых и дипломных работ студентов УдГУ [Иванова 1990; Васильева 1995; Исаева 1995; Ефремова 2005].

1. Послелог

Послелог среднечепецких говоров, как и других северноудмуртских диалектов, в своей общей характеристике сходны с послелогом литературного языка. Имеются некоторые отличия в функционировании отдельных из них, на рассмотрении которых и остановимся.

1. 1. В определенных сочетаниях вместо послелога *с'брь* 'с; за, позади, сзади' литературного языка и других удмуртских диалектов со значением 'следовать, идти, двигаться за кем-либо, с кем-либо' в рассматриваемом диалекте, как правило, употребляется послелог *бёрс'ь* 'с; за, позади, сзади', например: Кор. *л'у д а бёрс'ы карэ вэтли-мь. 'С Людой в город [Глазов] ездили.'*; Кож. *мон бёрс'ам вэтлизмьс' дугдъ н'и. 'За мной ходить перестань уже.'*

Данное явление, как показывают имеющийся в наличии материал, отмечается также в верхнечепецких [Ефремова 2005] и нижнечепецких [Тепляшина 1970: 184; Золотарева 2000: 68] севернудмуртских говорах.

1.2. В литературном языке и некоторых диалектах цель действия может выражаться двояко: послеложной (при этом употребляются послелог *доры* и *дурэ* 'за') или беспослеложной конструкцией (при этом существительное или местоимение стоит в дативе). В отличие от этого, в среднечепецком диалекте отношения цели выражаются, как правило, послеложными конструкциями имени в номинативе с послелогом *понна* 'за, ради, для', а беспослеложные конструкции практически не встречаются. Примеры-предложения: Кур. *окпал кэ но эмэс' понна этлоно вал*. 'Хоть раз за малиной надо бы сходить.'; Кож. *вэрасал но вал, кърэасал но вал, но турун понна кун'анть мьноно*. 'И рассказала бы [я], и спела бы [я], но за травой для теленка нужно идти.' Аналогичное явление имеет место также в верхнечепецких [Васильева 1995: 87; Ефремова 2005] и нижнечепецких говорах [Золотарева 2000: 69].

В ярском говоре среднечепецкого диалекта обращают на себя внимание отдельные случаи употребления послелога *понна* в сочетании с генитивом притяжательной формы существительного вместо обычной номинативной формы: Ук. *опэт' мыныс'ко нымлэ понна*. 'Опять иду за моей дочкой.'; Ук. *йупкамэ понна пыри корка*. 'За юбкой [я] зашла в дом.' В глазовском и юкаменском говорах данного диалекта сочетание существительного с послелогом *понна* в подобном оформлении не встречается, не отмечается оно и в других удмуртских диалектах.

Заметим, что в малягуртском говоре среднечепецкого диалекта в функции послелога *понна* нередко выступает и послелог *доры* 'за, для': Агр. *со туннэ пу доры тэл'э вэтлиз м а л' а пала*. 'Он сегодня за дровами в лес съездил в сторону [деревни] Малягурт.' [Дьяконова 2005: 42].

1.3. Специфичным для среднечепецких говоров является употребление, наряду с послелогом *инт'йэ* 'вместо; за', с тем же значением послелога *мэста(йэ)* (восходит к русскому предлогу *вместо*), имеющего тенденцию вытеснения собой удмуртского аналога. Послелог *мэста(йэ)*, *инт'йэ* выражают отношение замещения, заместительства: *йаблок мэста (~ йаблок инт'йэ)* 'вместо яблок', *мон мэстайэ (~ мон инт'йэ)* 'вместо меня'. Примеры-предложения: Пор. *йаблок мэста н'ан' ба-с'ть вал*. 'Вместо яблок [лучше] хлеба бы купил.'; Кож. *йэсоэн со магаз'инэ мон инт'йэ ужань кутскоз*. 'Скоро она в магазине вместо меня начнет работать.' Что касается верхнечепецких [Васильева 1995: 87; Ефремова 2005] и нижнечепецких [Золотарева 2000: 71] говоров, то для них, как показывает имеющийся материал, характерно функционирование послелога *мэстайэ*.

1.4. В отличие от соседних верхнечепецких говоров, характеризующихся широким употреблением послелогов с основой на *дин'-*, в среднечепецких говорах полные формы этих послелогов встречаются сравнительно редко. Это связано с переходом в диалекте указанных послелогов в падежеобразные суффиксы. Следует отметить, что в понинском подговоре, пограничном с верхнечепецкими говорами,

случаи сохранения полных форм послелогов с основой на *дин'*- встречаются значительно чаще, чем в остальных говорах. Некоторые примеры-предложения: Коб. *кõна кэ улса, соос дин'э ко-жэ*. 'Через некоторое время **к ним** зайдите ('сверните').'; Чир. *эиэз дин'ын со лы-мбыт улэ*. 'У подружки она целыми днями находится.'

Следует отметить, что в среднечепецком диалекте, как и в нижнечепецких говорах [Золотарева 2000: 24], функцию послелогов с основой на *дин'*- выполняют послелоги с основой на *дор-*: Ук. *кузойэн соос лыкти-зы мужикэ доры*. 'Вдвоем ('парой') они пришли **к моему мужу**.'; Кор. *туныйэ вэтлэ ыжйос дорыт'и*. 'Моя собака ходит **около овец**.'

1.5. В среднечепецком диалекте из двух параллельно употребляющихся вариантов послелога *куз'а* и *куз'да* со значением 'вдоль; по' более широкое распространение имеет форма *куз'да*. Примеры-предложения: Кел. *ял'лон та с'урэс куз'да вортти-зы ну*. 'Раньше **по этой дороге** вывозили лес. '; Пус. *колхоз сыкал'л'осты йсыт ул'ча куз'да вайо*. 'Колхозных коров вечером **по улице** пригоняют.'

В нижнечепецких говорах, как показывают материалы [Тепляшина 1970: 185; Золотарева 2000: 69], встречаются обе формы: *куз'а* и *куз'да*. Что касается верхнечепецких говоров, то для них в данном случае характерно употребление варианта *куз'а*.

2. Союзы

Обзор союзов, встречающихся в среднечепецком диалекте, показывает, что большинство из них совпадает с союзами, употребляющимися в литературном языке. Тем не менее встречаются некоторые отличия, которые сводятся к следующему.

2.1. Характерной особенностью данного разряда служебных слов в диалекте является то, что здесь, как и в соседних верхнечепецких [Иванова 1990: 39; Исаева 1995: 54] и нижнечепецких говорах [Тепляшина 1970: 185-186; Золотарева 2000: 72], гораздо чаще, чем в литературном языке и многих других диалектах, употребляются русские союзы *йэ-сл'и* 'если', *да* 'да', *потому што* 'потому что', *што* 'что', *кот'* (~ *хот'*) 'хоть, хотя', *н'э ... н'э* 'ни ... ни' и др. Некоторые примеры: Кач. *мон да муми с'ана коркан но-кин өвёл*. 'Кроме меня **да мамы** в доме никого нет. '; Пон. *йэ-сл'и ужань кутско соос, быдэстытэк уг н'и дугдо*. 'Если работать начинают они, то, не завершив [работу], уже не останавливаются.'

2.2. В исследуемом диалекте союзы тюркского происхождения *йа*, *йа-кэ* встречаются в основном в речи молодого поколения, что, по-видимому, объясняется влиянием литературного языка. Представители старшего поколения вместо этих союзов чаще всего употребляют русские заимствования *и-л'и* 'или', *л'и-бо* 'либо, или', *и-л'и же* (~ *жэ*) 'или же', например: ВУн. *тон кь-лскь монэ, л'и-бо мон тонэ мумьосн'ад кэл'ало*. 'Ты слушайся

[меня], **либо** я тебя к родителям [домой] отправлю.' Данное явление имеет место в севернoudмуртской диалектной зоне в целом.

2.3. К своеобразиям в сфере функционирования союзов в говорах среднечепецкого ареала относится употребление в сложноподчиненных предложениях одновременно двух союзов-аналогов, один из которых является собственно удмуртским, другой – русским заимствованием. Сюда примыкают следующие союзы-пары: *йэсл'и – кэ, што – шу(ъ)са*. Примеры-предложения: ВБог. *соин мьньм урод потэ, што пиналийос йормьса уло шуъса*. 'Потому мне [жизнь] плохой кажется, **что** дети живут в нужде.'; ВБог. *и йэсли төл кэ бэрътскэ часовой стрэлкаль пумит, соку кўаз' мо-жэт зорыны, жобаны, лъмьйань*. 'И **если** ветер поворачивается против часовой стрелки, тогда может пойти дождь, может завьюжить, пойти снег'.

3. Частицы

Отличительные явления, касающиеся частиц исследуемых говоров, проявляются в основном в их фонетическом оформлении, также функционировании отдельных из них. Отметим эти особенности.

3.1. Указательные частицы *тин'и* 'вот (это)', *тан'и* 'вот (то)', усилительно-утвердительная частица *оз'ь* 'да, так' в диалекте чаще всего встречаются в усеченной форме, т. е. происходит выпадение конечных гласных *и, ь*: *тин' < тин'и, тан' < тан'и, оз' < оз'ь*. Примеры-предложения: Ук. *оз', гыдыкэ, шон'эр ваклайтид*. 'Да, голубушка, [ты] правильно поняла.'; Пыш. *тан' вэт' ук кь-лскь монэ мужикэ, кот' вэра, кот' эн*. 'Вот ведь не слушает меня мой муж, хоть говори, хоть не [говори ему]'. Подобное явление имеет место также в верхнечепецких [Каракулов 1982: 106; Ефремова 2005] и нижнечепецких [Золотарева 2000: 73] говорах.

3.2. Выделительно-ограничительная частица *гинэ* 'только, лишь' в средне-чепецком диалекте, как и в нижнечепецких говорах (в форме *гынэ*) [Тепляшина 1970: 187; Золотарева 2000: 73], нередко встречается и в усеченной форме *нэ*. Примеры-предложения: ВУн. *мон нэ кьл'эмьн на пэрэс'йос пöльс'*. 'Лишь **только** я осталась из стариков.'; Оз. *та нэ мыным уас'кытэ пэн'з'и*. 'Только этот [человек] мне приносит пенсию [домой]'. В верхнечепецких говорах, как показывает имеющийся материал, факультативно встречаются обе формы *гинэ* и *нэ*, но более широкое функционирование имеет полный вариант. Отметим, что в большинстве удмуртских диалектов эта частица, как правило, выступает в полной форме.

3.3. В отдельных говорах исследуемого диалекта, чаще всего в ярском и юкаменском, модальная частица *ис'кэ* 'значит; тогда; в таком случае' вследствие явления метатезы выступает в форме *с'икэ*. Примеры-предложения: Куз. *туэ морковдэ, с'икэ, кьк пол киз'ид*. 'В этом году морковь, **значит**, [ты] два раза сеяла.'; Ук. *кузойэн соос лыкти-зы, с'икэ*. 'Вдвоем ('парой') они приехали, **значит**'. В других севернoudмуртских говорах подобное явление не наблюдается. Заметим, что в говоре д. Сибирь Унинского района Кировской

области вышеуказанная частица зафиксирована в форме *ос'кэ* 'тогда; в таком случае; значит' [Золотарева 2000: 74].

3.4. В отличие от других удмуртских диалектов частица *на* 'еще' в описываемом диалекте, как и в нижнечепецких говорах [Тепляшина 1970: 187], нередко заменяется формой *ныина* (~ *ыина*) 'еще', представляющей собой контаминацию слов *нош* 'снова, опять' и *на* 'еще'. Примеры-предложения: Ис. *кык чшоэн мыно ыина карэ*. 'Вдвоем еще едут в город [Глазов].'; Кож. *кыл'од ныина акто-буслэс'* 'Отстанешь еще от автобуса.' В верхнечепецких говорах подобные формы не отмечаются.

3.5. Любопытны случаи употребления в среднечепецком диалекте, как и в других причепецких говорах, отрицательных частиц *өвөл* и *өвөн'*, отличающихся друг от друга оттенком значений. Своеобразное их функционирование в севернoudмуртских говорах было отмечено еще В. М. Вахрушевым [1959: 237]. Специфика этих частиц заключается в том, что носители причепецких говоров слово *өвөн'* употребляют для обозначения понятия 'уже нет (когда-то что-то было, но в данный момент уже отсутствует, не имеется)', а слово *өвөл* – для выражения понятия 'не, нет (вообще не было чего-то)'. Примеры-предложения: Ис. *кал' кужымэ но өвөн' магазинэ н'ан' понна яс'кыны*. 'Сейчас и силы уже нет в магазин за хлебом сходить.'; Ук. *мынам пинайюсы өвөл, огн'ам улис'ко*. 'У меня детей нет, одна живу.'

В других удмуртских диалектах функцию частицы *өвөн'* выполняет сочетание слов *өвөл* 'нет' и *ин'и* (*ини, ин', ин, н'и, ни*) 'уже'. Нет сомнения в том, что частица *өвөн'* образовалась в результате слияния частиц *өвөл* и *н'и*: *өвөн' < өвөл н'и*.

3.6. Широкое распространение в исследуемом диалекте, как и в других севернoudмуртских говорах, имеет частица *бэн* 'да; же, так' со значением утверждения и усиления. Примеры-предложения: УКар. *тон бэн кытэс' ачид лус'код?* 'Ты же откуда сама будешь [родом]?'; Кор. *бэн, мим зэч картошмы вал*. 'Да, в прошлом году хороший [урожай] картофеля был.' В южноудмуртских говорах этой частице чаще всего соответствует ее фонетическая разновидность в форме *бон*, а в срединных говорах – частицы *о-о* 'да' (для выражения утверждения) или *нош* 'же, так' (для выражения усиления).

Заслуживает внимания и тот факт, что в говорах среднечепецкого диалекта, в большей степени в глазовском и ярском, частица *бэн* может выступать в сочетании с другой частицей *вэт'* (< рус. *ведь*) в формах *бэ-вэт'*, *бэ-нэт'*, *бэ-нэт'и*, выражая при этом усилительно-утвердительные или эмоционально-экспрессивные оттенки. Пример-предложение: УКар. *с'эжт война арыос, бэ-нвэт', вуно н'и*. 'Тяжелые военные годы, да ведь, забываются уже.' Помимо исследуемого диалекта, частица *бэ-вэт'* активно

функционирует, как показывают материалы, в языке верхнечепецких и нижнечепецких [Золотарева 2000: 73] удмуртов.

3.7. К своеобразиям среднечепецких говоров относится и то, что перед частицей *-а 'ли'* нередко появляется *-ӱ*, выступающий, по-видимому, в качестве протетического звука. Примеры-предложения: Ук. *к о б л а г у р т э з тодис'ко-д-ӱа?* '[Деревню] Коблагурт знаешь ли?'; Нел. *бъгато-д-ӱа тайэ гошитънь?* 'Сможешь ли это записать?'. Подобное явление отмечается также в языке бесермян, нижнечепецких удмуртов [Тепляшина 1970а: 239; 1970: 186].

3.8. Некоторая особенность рассматриваемых говоров, как и других диалектов севернoudмуртского ареала, обнаруживается в употреблении частиц *н'и* и *на* в контексте предложения. Отличие проявляется в порядке слов в сочетании основного глагола с соответствующим отрицательным вспомогательным глаголом при наличии в предложении частиц *н'и*, *на*, ук. Эти частицы очень часто разделяют отрицательный и основной глагол: Штан. *дъшэтсконэз солэн ѓз на бър, ар къл'из на-ка.* 'Учеба его еще не закончилась (**'не еще закончилась'**), год осталось еще [ему учиться].'; Ел. *проч мон крээ'йосты уг н'и тодис'кы.* 'Совсем я песен не знаю уже (**'не уже знаю'**).'; Ел. *тарээ омар но киз' посуда но ѓз ук во-з'ылэ.* 'А вот ведь почему-то и посуду, чтобы сходить в туалет [маленькому ребенку], не держали ведь (**'не ведь держали'**)' [дома]. Заметим, что в литературном языке и большинстве удмуртских диалектов частицы *н'и* и *на* занимают постпозитивное место по отношению к слову, к которому непосредственно относятся.

3.9. В среднечепецких говорах, как и в северной диалектной зоне в целом, намного чаще употребляются русские заимствованные частицы. Перечислим наиболее распространенные из них: *са-мой* (< рус. *самый*) 'как раз, именно', *кот'* (*хот'*) (< рус. *хоть*) 'хоть, хотя', *вэт'* (< рус. *ведь*) 'ведь', *пожа-луй* (~ *пожа-луй*) (< рус. *пожалуй*) 'пожалуй', *мо-жэт* (~ *мо-жот*) (< рус. *может*) 'может быть', *ра-звэ* (< рус. *разве*) 'разве', *зна-чит* (~ *зна-читса*) (< рус. *значит*) 'значит' и др. Примеры-предложения: Ис. *ӱал'ло, пожа-луй, калък ѓз ук шу-тэтскыл, с'о ужаз.* 'Раньше, **пожалуй**, народ и не отдыхал, всё трудился.'; Чур. *тон ра-з'вэ ут то-тскъ, кътън п и с к о р?* 'Ты разве не знаешь, где [расположена деревня] Ново-Елово?'

Таковы вкратце отличительные черты среднечепецких говоров в области послелогов, союзов и частиц. Но слабая изученность и недостаточность материала по служебным частям речи как в северных говорах, так и в удмуртских диалектах вообще, вынуждают нас пока ограничиться лишь констатацией отдельных фактов. Тем не менее, нами не исключается возможность дальнейшего сравнительно-сопоставительного исследования особенностей служебных слов в севернoudмуртском диалектном ареале.

Сокращения

Названия населенных пунктов: *Агр.* – д. Агриколь, *ВБог.* – д. Верхняя Богатырка, *ВУн.* – д. Верхние Уни, *Ел.* – с. Елово, *Ис.* – д. Исаково, *Кач.* – д. Качкашур, *Кел.* – д. Кельдыково, *Коб.* – д. Кобиньпи, *Кож.* – д. Кожиль, *Кор.* – д. Коротаево, *Куз.* – д. Кузьмино, *Кур.* – д. Курегово, *Нел.* – д. Ново-Елово, *Оз.* – д. Озерки, *Пон.* – с. Понино, *Пор.* – Порово, *Пус.* – д. Пусошур, *Пыш.* – с. Пышкет, *УКар.* – д. Удмуртский Караул, *Чир.* – д. Чиргино, *Чур.* – д. Чурашур, *Штан.* – д. Штанигурт, *Ук.* – с. Укан.

Список литературы

Васильева, И. Ю. Верхнечепецкий говор североудмуртского наречия / каф. соврем. удм. языка и методики его препод.; науч. рук. ст. препод. А. А. Алашеева. – Ижевск, 1995. – 193 с. (Рукопись дипломной работы).

Вахрушев, В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка / В. М. Вахрушев // Записки. – Вып. 19. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – С. 228-241.

Дьяконова, А. Фонетико-морфологические особенности малягуртского говора удмуртского языка (в контексте североудмуртских диалектов) / каф. соврем. удм. языка и методики его препод.; науч. рук. доц. Л. Л. Карпова. – Ижевск, 2005. (Рукопись дипломной работы).

Ефремова, М. Морфологические особенности сыгинского говора удмуртского языка / каф. соврем. удм. языка и методики его препод.; науч. рук. доц. Л. Л. Карпова. – Ижевск, 2005. (Рукопись курсовой работы).

Золотарева, Т. М. Фонетические, морфологические и лексические особенности говора удмуртов д. Сибирь Унинского района Кировской области / каф. удм. и фин.-уг. языкозн.; науч. рук. проф. В. К. Кельмаков. – Ижевск, 2000. – 109 с. (Рукопись дипломной работы).

Иванова, О. М. Фонетические и морфологические особенности говора удмуртов с. Юски Кезского района УАССР / каф. соврем. удм. языка и методики его препод.; науч. рук. канд. филол. наук Б. Ш. Загуляева. – Ижевск, 1990. – 77 с. (Рукопись дипломной работы).

Исаева, О. Р. Фонетические, морфологические и лексические особенности говора удмуртов д. Стеньгурт Кезского района Удмуртской Республики / каф. удм. и фин.-уг. языкозн.; науч. рук. ст. препод. П. И. Воронцов. – Ижевск, 1995. – 94 с. (Рукопись дипломной работы).

Каракулов, Б. И. Говор села Юски / Б. И. Каракулов // Образцы речи удмуртского языка. – Ижевск, 1982. – С. 106-115.

Карпова, Л. Л. Отличительные явления в фонетике североудмуртских говоров / Л. Л. Карпова // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. – Сыктывкар, 2005. – С. 106-108.

Карпова, Л. Л. Отличительные явления в морфологии североудмуртских диалектов / Л. Л. Карпова // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 78-79.

Пермистика XI:

Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками

Тепляшина, Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия / Т. И. Тепляшина // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Вып. 21. Филология. – Ижевск, 1970. С. – 156-196.

Тепляшина, Т. И. Язык бесермян / Т. И. Тепляшина. – М.: Наука, 1970а. – 288 с.